

Генри Лайон Олди

Что наша жизнь? – игра...

*Часть сборника
Фанты для фэна (сборник)*

Генри Лайон Олди

Что наша жизнь? – игра...

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158502

Аннотация

«Ты выходишь на сцену, занавес открывается, и за миг до начала спектакля ты бросаешь взгляд в темный зрительный зал, где копится ожидание. Вот она, Бездна Голодных глаз...»

Содержание

I. КОГДА ОН – ФАУСТ, КОГДА – ФАНТАСТ?

4

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Генри Лайон Олди ЧТО НАША ЖИЗНЬ? – ИГРА...

I. КОГДА ОН – ФАУСТ, КОГДА – ФАНТАСТ?

*Что наша жизнь? – игра
В вопросы и ответы,
В дороги и кюветы,
В «не время» и «пора».*

*Что наша жизнь? – игра
Однажды доиграем
И адом или раем
Расплатимся с утра...*

Ты выходишь на сцену, занавес открывается, и за миг до начала спектакля ты бросаешь взгляд в темный зрительный зал, где копится ожидание.

Вот она, Бездна Голодных глаз.

Одна из проблем интернет-общения: глаз не видно... Отсюда многое проистекает: от немотивированного хамства в

спорах до отсутствия в текстах запятых и заглавных букв. Хотя знаки препинания – прямой аналог интонаций и речевых пауз, и безграмотный текст соответствует поспешной, невнятной речи. Все-таки, разговаривая, надо видеть лицо, а не экран, где если что-то и отражается, так лишь твоя собственная физиономия.

Театр, помимо Актера, Режиссера, Художника, обязательно подразумевает еще и Зрителя – сидящего своей попой на продавленном диване или в кресле. Зритель (как и Читатель) не должен лезть на сцену – иначе вместо Театра получится толкотня, пинание локтями и неразбериха. Зритель соучаствует своим присутствием. И экстаз актера в миг кульминации невозможен без катарсиса зрителя, раскрывшего рот в беззвучном вопле.

Таковы две стороны одной медали, и вовсе ни к чему медали становится односторонней.

Один и тот же музыкант, с неизменными отпечатками пальцев, играет этими пальцами на рояле Баха, Брубека и «Мурку». Один и тот же художник с неизменной структурой сетчатки глаза пишет батальную картину маслом, пейзаж акварелью – и рисует карандашный набросок в альбоме случайной подружки. Один и тот же алкаш со стабильным бюджетом (отсутствием оного?) вчера предпочитал денатурат, сегодня – одеколон «Цветочный», а завтра – «Графскую палёную».

При этом разнообразии выбора определить автора, реаль-

ного автора по «отпечаткам» его личности – не столь уж тяжело. Вон, «Мастер и Маргарита», «Роковые яйца» и «Бег» – вещи уж куда как разные, а все он, родимый, Михаил Афанасьевич... Но внутренняя стабильность (при внешней разности) есть отпечатки мироощущения, собственно личности автора, изменить которую в силах лишь время да он сам, и то не всегда кардинально.

Сядясь за новую книгу, остаемся собой. Хорошо это или плохо, но избавиться от «самости» нет ни желания, ни возможности.

Да и не ставится такая удивительная задача.

Итак, начинаем новый спектакль, а режиссер с труппой остались прежними. Но тогда обязательно: вчера это была трагикомедия, а сегодня фарс или драма, вчера – пять актов на шесть часов действия, а сегодня – одноактовка минут на сорок. Вчера были монументальные декорации и поворотный круг на полсцены, а сегодня – микро-площадка и два стула посередине. Это и есть изменение внешнего при постоянстве внутреннего. Это отражение луны сегодня в море, завтра в речке, а послезавтра – в грязной луже. Луна не меняется, но и назвать отражения идентичными язык не повернется.

Повтори вчерашний спектакль сегодня с микро-вариациями или даже без них – и коммерческий успех обеспечен. Народ поскрипит, но билетик купит... Меняться рискованно. Да, читатель-зритель-потребитель частенько брюзжит:

вот это да! – а вон то не «да»... И почему бы им не сотворить родного брательника вон тому шедевру?! – нет, берутся за всякое...

А куда денешься?

Иначе есть риск утонуть в себе-вчераших и никогда не добраться до себя-завтраших.

Стремление каждый спектакль решать в новых декорациях – подсознательное, иногда переходящее в осознанное. Лениость души состоит в нежелании шевелиться. Единожды найденные антураж, сюжетный ход, манера, стиль... Легко и приятно начать бродить по кругу, радуя глаз узнаваемыми пейзажами и персонажами. Настолько легко, что и сам не заметишь, как превратишься в осла на привязи.

Но даже ослы иногда режут, желая продолжить себя.

«Зачатие» книги – всегда разное. Иногда – яркий фрагмент без начала и конца. Иногда – мысль, идея. Иногда – концепция. Иногда – герой. Но, когда начинается работа над книгой, когда зародыш начинает развиваться – осознанная мысль, которую хочешь высказать, и одежды, в которые эта мысль облачится, формируются практически одновременно. Как форма и содержание. Тело и душа. Динамика внешняя и внутренняя. Неразрывно – иначе смерть или уродство. Иногда заранее понимаешь: в других декорациях читателю будет проще воспринять смысл...

Но тут уж ничего не поделать. Раздели – умрет.

В начале новой книги весь ее видеоряд, исторические и

смысловые аспекты, способ реализации души, система «слово-строительства» возникают сами, намертво приваренные именно к этой книге, и ни к какой другой. Но более глубокая установка, выталкивающая все это к жизни, кричит гласом громким: «Да пребудет взгляд твой вовеки свежим!»

Время ломать стереотипы.

Время не ждет.

Да, становимся старше, ибо таков закон существования. В лучшем смысле, в худшем смысле, во всяких смыслах. Каждый новый текст становится все более въедливым и придиричивым по отношению к своим непутевым создателям. Требуется, дабы его переписывали и редактировали не три раза, а пять. Не позволяет пройти мимо каких-то нюансов, выведенных не так ясно, как ему (тексту) хотелось бы. Заставляет делать многие вещи, иногда в явный ущерб «забойности» внешнего действия. Делает все более интересным сюжет скрытый, «внутренний»: изменения характеров, событийный ряд, вторые планы... Не отпускает вечером, ночью, утром. Раздражает до скрежета зубовного, пока не делается ясным и единственно возможным.

Это не всегда к лучшему. Ибо что есть лучшее? Становишься старше? – меньше зубов, скрипят суставы, пошаливает сердце. Но и прибавляется нечто, плохо выразимое на обыденном уровне. Не лучшее и не худшее – другое. Одни бранят: исписались! Другие радуются: стали тоньше! Третьи вовсе молчат.

Нынче писателю не рекомендуют меняться: опасно. Куда полезнее для здоровья и бюджета строить Вавилонский Столп фанфиков, сиквелов и приквелов...

Догмат рынка!

Когда догмат превращается в камень, загораживающий течение, приходит весенний паводок ереси и смывает запруды. Пожалуй, все мировые религии созданы гениальными еретиками. Будда провозглашал исключительную ересь с точки зрения храмовых брахманов и ашрамных аскетов; Христос был отъявленным еретиком для израильских первосвященников; Муххамад для местных христиан, иудаистов и арабов-идолопоклонников нес ересь, только ересь и ничего, кроме ереси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.